

Проф. К. О. Голубовъ.

БОЛЬЗНЬ и СМЕРТЬ

Ивана Ильича у Толстого

и

Доктора Паскаля у Эмиля Золя.

Изъ публичной лекціи, читанной въ пользу Студенческаго
Кружка для изслѣдованія русской природы.

(Изъ газеты «Практический Врачъ»).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Первой Спб. Трудовой Артели. Лиговская ул., 34.
1909.

Болѣзнь и смерть Ивана Ильича у Толстого и доктора Паскаля у Эмиля Золя.

Болѣзнь и смерть Ивана Ильича и доктора Паскаля; избирая подобную тему, я полагалъ, что имѣю основанія подѣлиться съ слушателями тѣми впечатлѣніями и мыслями, которыя возникаютъ у врача, когда онъ въ произведеніяхъ корифеевъ современной литературы наталкивается на изображеніе близкихъ ему явленій—болѣзни и смерти.

Постараюсь не утомить вашего вниманія различными медицинскими подробностями и буду по возможности кратокъ.

Я думаю, вамъ не безинтересно будетъ узнать, что Иванъ Ильичъ Головинъ, герой разсказа «Смерть Ивана Ильича», лицо не вполнѣ выдуманное авторомъ. мнѣ случайно стало известнымъ, что Иванъ Ильичъ существовалъ въ действительности, что это братъ одного изъ знаменитѣйшихъ въ настоящее время русскихъ ученыхъ и что онъ служилъ въ нашей магистратурѣ. Не знаю, насколько фактически вѣрно описана Толстымъ семейная и духовная жизнь Ивана Ильича, но болѣзнь его и обстоятельства смерти были на самомъ дѣлѣ таковы, какими они изображены нашимъ геніальнымъ писателемъ. Я считаю возможнымъ указать вамъ даже источникъ, изъ которого я почерпнулъ эти свѣдѣнія: мнѣ сообщилъ ихъ, лечившій Ивана Ильича, покойный профессоръ Захарынъ.

Позвольте напомнить вамъ вкратцѣ исторію болѣзни героя печальной, полной столь глубокаго драматизма повѣсти. Слѣдя хронологіи автора, Иванъ Ильичъ осенью 1880 года, вѣшавъ съ обойщикомъ портьеры, упалъ съ лѣсенки и ушибъ себѣ

бокъ; ушибъ нѣсколько поболѣлъ, но скоро прошелъ. Однако въ слѣдующемъ году Иванъ Ильичъ сталъ чувствовать неловкость и тяжесть сбоку живота, появилось дурное расположение духа и раздражительность. Онъ обратился къ знаменитому въ городѣ врачу, который высказалъ предположеніе, что у больного не то блуждающая почка, не то болѣзнь слѣпой кишкѣ. Иванъ Ильичъ началъ лечиться; но боль не уменьшалась, а усиливалась, аппетитъ и силы слабѣли. Иванъ Ильичъ почувствовалъ, наконецъ, что-то «страшное, новое и значительное, чего значительнѣе въ жизни его никогда не было. Что-то ужасное, неслыханное завелось въ немъ; не переставая сосетъ его и неудержимо влечетъ куда-то»!

Въ концѣ 1881 года Иванъ Ильичъ похудѣлъ, поблѣдѣлъ и измѣнился до неузнаваемости. Тутъ онъ обратился къ другому врачу. Этаотъ нашелъ, что у него «одна штучка — маленькая штучка въ слѣпой кишкѣ; но что это можетъ поправиться — произойдетъ всасываніе и все пройдетъ». Однако лучше не было, Иванъ Ильичъ началъ приходить въ отчаяніе: «Слѣпая кишкѣ! почка! говорилъ онъ себѣ; не въ слѣпой кишкѣ, не въ почкѣ дѣло, а въ жизни и.. смерти. Да, жизнь была и вотъ уходитъ; уходить, и я не могу удержать ее».

Дѣло шло все хуже и хуже; пришло уже постоянно для облегченія болей прибѣгать къ подкожнымъ вѣрыскиваниемъ морфія. Начался рядъ безпрерывныхъ страданій. Домашніе Ивана Ильича продолжали жить своей жизнью, а онъ, одинъ, страдалъ въ своей спальнѣ на попеченіи симпатичнаго ему кухоннаго мужика Герасима. Ночью Герасимъ сидѣть, бывало, въ ногахъ больного на постели, а тотъ лежитъ, положивъ ему на плечи свои исхудалыя ноги въ чулкахъ, такъ какъ приподнятое положеніе ногъ облегчало его боли.

Дѣло шло и подошло къ концу... Три дня передъ смертью больной не переставалъ кричать.

«Съ этой минуты начался тотъ, три дня не переставшій крикъ, который такъ былъ ужасенъ, что нельзя было за двумя дверями безъ ужаса слышать его. - У! У! У! кричалъ онъ на разныя интонаціи. Онъ началъ кричать «не хочу» и такъ и продолжалъ кричать на букву «у». Всѣ три дня, въ продолженіе которыхъ для него не было времени, онъ барахтался въ томъ черномъ мѣшкѣ, въ который просовывала его невидимая, непреодолимая сила. Онъ бился, какъ бѣтесь въ рукахъ

палача приговоренный къ смерти, зная, что онъ не можетъ спастись; и съ каждой минутой онъ чувствовалъ, что, несмотря на всѣ усилия борьбы, онъ ближе и ближе становился къ тому, что ужасало его. Онъ чувствовалъ, что мученіе его и въ томъ, что онъ всовывался въ эту черную дыру, и еще больше въ томъ, что онъ не можетъ пролѣтѣть въ нее. Вдругъ какая то сила толкнула его въ грудь, въ бокъ, еще сильнѣе сдавило ему дыханіе, онъ провалился въ дыру и тамъ въ концѣ дыры засвѣтилось что-то. Съ нимъ сдѣлалось то, что бывало съ нимъ въ вагонѣ желѣзной дороги, когда думаешь, что ѳдешь впередъ, а ѳдешь назадъ, и вдругъ узнаешь настоящее направлѣніе. Это было въ концѣ третьаго дня, за два часа до его смерти. Въ это самое время сынъ гимназистикъ тихонько прокрался къ отцу и подошелъ къ его постели. Умирающей все кричалъ отчаянно и кидалъ руками. Рука его попала на голову гимназистика. Гимназистикъ схватилъ ее, прижалъ къ губамъ и заплакалъ. Въ это самое время Иванъ Ильичъ провалился, увидавъ свѣтъ, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить. Онъ спросилъ себя: что же «то»?—и затихъ, прислушиваясь. Тутъ онъ почувствовалъ, что руку его цѣлюетъ кто-то. Онъ открылъ глаза и взглянулъ на сына. Ему стало жалко его. Жена подошла къ нему. Онъ взглянулъ на нее. Она съ открытымъ ртомъ и съ неотертыми слезами на носу и щекѣ съ отчаяннымъ выражениемъ смотрѣла на него. Ему жалко стало ее. И вдругъ ему стало ясно, что то, что томило его и не выходило, что вдругъ все выходить сразу, и съ двухъ сторонъ, съ десяти сторонъ, со всѣхъ сторонъ. Жалко ихъ, надо сдѣлать, чтобы имъ не больно было. Избавить ихъ и самому избавиться отъ этихъ страданій. «Какъ хорошо и какъ просто» подумалъ онъ. «А боль» спросилъ онъ себя. «Ее куда?». «Ну-ка, гдѣ ты, боль?» Онъ сталъ прислушиваться. «Да, вотъ она. Ну что жъ, пускай боль». «А смерть? Гдѣ она?» Онъ искалъ своего прежняго привычнаго страха смерти и не находилъ его. Гдѣ она? какая смерть? страха никакого не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти былъ свѣтъ. Такъ вотъ что!—вдругъ вслухъ проговорилъ онъ.—Какая радость! Для него все это произошло въ одно мгновеніе, и значеніе этого мгновенія уже не измѣнялось. Для присутствующихъ же агонія его продолжалась еще два часа. Въ груди его клокотало что-то, изможденное тѣло его взрагивало. Потомъ рѣже и рѣже стало клокотанье и хрипѣніе.—Кончено! сказалъ кто-то надъ нимъ. Онъ услыхалъ эти слова и повторилъ ихъ въ своей душѣ. Кончена смерть, сказалъ онъ себѣ. Ея нѣть больше. Онъ втянулся въ себя воздухъ, остановился на половинѣ вздоха, потянулся и умеръ.

Это, по хронології автора, произошло 4 февраля 1882 г.

Я вамъ изложилъ исторію болѣзни лишь въ общихъ чертахъ. Чтобы составить себѣ полное представлениe, нужно, конечно, перечитать весь небольшой, сравнительно, рассказъ, гдѣ день за днемъ, изъ часа въ часъ развергается картина душевныхъ и тѣлесныхъ страданій Ивана Ильича.

У Толстого все описаніе необычайно художественно и въ то-же время вполнѣ реально. Вы не найдете у него пресловутаго протоколизма, вы не найдете тонкихъ техническихъ медицинскихъ терминовъ и подробностей. Но въ то же время реальность, реальная правда въ изображеніи настолько велика, что не только врачъ, но и любой студентъ медикъ 3-го курса поставить почти точный диагнозъ болѣзни.

Господа, прочитавъ разсказъ Толстого, мы почти съ уверенностью можемъ сказать, что Иванъ Ильичъ умеръ отъ рака въ брюшной полости, гдѣ-то въ области слѣпой кишкѣ или правой почки. Причина болѣзни (ушибъ), картина ея, теченіе, даже потребность лежать съ высоко поднятой ногой, положенной на плечо трогательному кухонному мужику Герасиму — все говорить за это... Насколько Толстой былъ далекъ отъ скучнаго протоколизма, когда онъ, тонкій наблюдатель-художникъ, но въ то же время профанъ въ медицинѣ, описывалъ болѣзнь своего героя, видно изъ того, что онъ сдѣлалъ большую, если смотрѣть на дѣло технически, ошибку въ исторіи болѣзни: онъ пишетъ, что у Ивана Ильича заболѣлъ лѣвый бокъ. Очевидно, не лѣвый, а правый, такъ какъ слѣпая кишкa, о страданіи которой постоянно упоминается въ разсказѣ, лежитъ въ правой сторонѣ живота. Но эта ошибка придаетъ даже, по моему впечатлѣнію, особую прелесть разсказу, производить впечатлѣніе безыскусственности въ описаніи болѣзни... Если бы было написано правильно, т. е. если бы у Толстого было сказано, что у Ивана Ильича заболѣлъ правый бокъ, это отзывалось бы уже протоколизмомъ, походило бы на добросовѣстную клиническую исторію болѣзни, было бы научно, точно, но менѣе непосредственно-художественно. Минѣ, между прочимъ, бросилось въ глаза, при чтеніи, еще одно мѣсто, рѣжущее, пожалуй, глазъ и ухо снѣціалиста, но въ тоже время усиливающее указанное чарующее впечатлѣніе безыскусственности, отсутствія стремленія вдаваться въ технику, въ протоколизмъ: на стр. 524 имѣющаго у меня подъ руками изданія говорится: «Ему

давали опіумъ и начали прыскать морфиномъ». «Прыскать морфиномъ» выражение съ медицинской точки зрења неудачное и даже неуклюжее; но нужно знать, что публика, профаны часто говорять: «прыскать морфинъ или морфиномъ», «прыскать мышьякъ, мышьякомъ» и т. п.

Обратимся теперь къ доктору Паскалю. Этотъ романъ Золя есть заключительный 20-й томъ цикла романовъ, представляющихъ, по мысли автора, «Естественную и социальную историю семейства Ругонъ- Маккаропъ». Авторъ придаетъ особенное значение этому тому: на заголовкѣ его напечатано: «Памяти моей матери и моей дорогой женѣ я посыпаю этотъ романъ, составляющей резюме и заключеніе всей моей работы». Какъ и следовало ожидать, въ «Докторѣ Паскаль» сконцентрировались всѣ положительныя и отрицательныя стороны таланта Золя. Моя задача сводится къ разбору лишь медицинской части романа...

Прежде чѣмъ перейти къ этому, напомню вамъ, что Золя былъ творцомъ такъ называемаго экспериментальнаго романа. Золя требовалъ отъ романиста такой же точной работы, какая обязательна для ученаго. По его словамъ, романистъ долженъ держаться фактovъ, строгаго изученія природы. Золя отрицаетъ «выдумку» и требуетъ отъ писателя точнаго протокольнаго изложенія лишь фактovъ и явленій реальной дѣйствительности.

Посмотримъ теперь, насколько хорошо Золя осуществилъ свои принципы въ изложениіи явленій болѣзни и смерти въ романѣ «Докторъ Паскаль». Начну съ того, что авторъ приписываетъ своему герою, врачу Паскалю, изобрѣтеніе какого-то жизненнаго элексира, какихъ-то особыхъ чудодѣйственныхъ впрыскиваній, помогающихъ отъ всевозможныхъ болѣзней. Гдѣ же тутъ реализмъ?! Вѣдь это «выдумка», которую отрицаетъ Золя. Чѣмъ же это отличается отъ фантазій писателей вродѣ Маріи Коррелли?.. По поводу этихъ впрыскиваній, для пущей реальности и научной точности, авторъ ввелъ въ романъ маленький эпизодъ смерти одного изъ пациентовъ доктора Паскаля вслѣдствіе якобы неудачно произведенаго послѣднимъ впрыскиванія его чудодѣйственной жидкости.

«Паскаль *) сдѣлалъ подкожное впрыскиваніе кабатчику Лафуассу, котораго онъ самъ считалъ обреченнымъ

*) Цитируется по переводу М. Басанина, исправленному по французскому оригиналу.

на смерть отъ атаксії. Тѣмъ не менѣе онъ не переставалъ бороться съ болѣзњю и не прекращалъ лечение. На его несчастіе въ шприцъ со дна склянки попала ни чѣожная соринка, которую не могъ задержать фильтръ. Къ довершенню неудачи онъ еще попалъ въ вену. Паскаль съ тревогой увидѣлъ, что кабатчикъ поблѣднѣлъ, сталь трудно дышать и что на лбу у него выступили капли холоднаго пота. Но онъ тогда только понялъ все, когда увидѣлъ передъ собой мертвца, точно сраженнаго вдругъ громовыми ударомъ, съ почернѣвшими лицемъ и посинѣвшими губами. Это была эмболія!»

Всякому врачу и студенту-медику очевидно, что при описанныхъ Золя условіяхъ никакой серьезной, смертельной эмболіи пропойти не могло. Очевидно, Золя познакомился съ вопросомъ о смерти вслѣдствіе эмболіи легкихъ, но познакомился какъ профанъ; и вотъ, когда онъ вздумалъ ввести подобный эпизодъ въ свой романъ, получилось нѣчто фальшивое и претенциозное съ точки зренія читателя-врача.

Далѣе писатель-реалистъ ввелъ въ свой романъ сверхъестественный эпизодъ, передъ которымъ блѣднѣютъ фантазіи Жюля Верна, Понсонть-дю-Террайля и Маріи Коррелли. Я хочу сказать о смерти старого пьяница Маккарда. Здѣсь Золя воскресиль старинная медицинскаа бредни о самовозгораніи алкоголиковъ.

«За послѣдніе пять—шесть лѣтъ Маккард разжирѣлъ и представлялъ какую-то сальную тушу. Фелиситэ (его сестра) замѣтила, что онъ, должно быть, курилъ, когда заснулъ; его коротенькая черная трубка упала къ нему на колѣни. Вдругъ она остолбенѣла отъ изумленія. Горячій пепель высыпался на суконныя панталоны, и они загорѣлись. На нихъ образовалась дыра величиной въ монету въ сто су, и черезъ нее можно было разглядѣть голое красное тѣло, отъ которого поднимался сизый огонекъ. Сначала Фелиситэ подумала, что это горѣло бѣлье; но вскорѣ она разглядѣла: это горѣло тѣло. Легкое, вьющееся голубое пламя, точно такое же, какое бываетъ на поверхности сосуда, наполненного зажженнымъ спиртомъ, поднималось кверху. Оно было не выше пламени ночника и горѣло тихимъ мерцающимъ светомъ, который малѣйшее движение воздуха заставляло менять направление. Оно все увеличивалось и быстро распространялось. Кожа начинала трескаться и подъ ней растапливается жиръ. Сало вытекало изъ трещинъ кожи. Пламя разгоралось и достигло жизни. Тогда Фелиситэ поняла, что Маккардъ вспыхнетъ весь, какъ губка, напитанная алкоголемъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ упивался самой крѣпкой, легко за-

горающейся водкой. Онъ долженъ вспыхнуть вѣсъ съ головы до ногъ. Тогда у нея пропала охота будить его, если ужъ онъ спитъ такъ хорошо».

Она ушла и предоставила старого пьяницу его судьбѣ... На другой день Маккара вздумалъ навѣстить его племянникъ, докторъ Паскаль:

«То, что увидѣлъ докторъ, привело его въ изумленіе. Каждая вещь была на своемъ мѣстѣ. Стаканъ и опорожненная бутылка водки стояли на столѣ, и только кресло, на которомъ должно быть, сидѣлъ дядя, носило слѣды огня: переднія ножки почернѣли и солома почти вся сгорѣла. Что же случилось съ дядей? Куда могъ онъ дѣваться? Передъ кресломъ на полу, въ лужѣ сала, лежала только небольшая кучка золы, тутъ же валялась черная трубка. Весь дядя былъ тутъ, въ этой горести золы, въ этомъ густомъ облакѣ чада, выходившемъ въ открытое окно, наконецъ, въ слюѣ сала, покрывавшемъ весь полъ кухни и представлявшемъ отвратительный жирный и вонючий слѣдъ исчезнувшаго тѣла. Это былъ великодушный случай медленного самосгоранія, который когда либо приходилось наблюдать врачу. Во многихъ сочиненіяхъ Паскалю приходилось читать сообщенія о подобныхъ фактахъ. До сихъ поръ онъ относился къ этимъ разсказамъ съ недовѣріемъ, не допуская мысли, чтобы тѣло, пропитанное алкоголемъ, могло выдѣлять изъ себя редь газа, который обладаетъ свойствомъ воспламеняться и сожигать мясо и кости.. И ничего не осталось отъ дяди Маккара, ни одной кости, ни зуба, ни ногтя».

Мнѣ кажется, этотъ фантастический, сверхъестественный эпизодъ не требуетъ никакихъ комментаріевъ, показывая, что Золя ошибался, считая себя писателемъ реалистомъ, писателемъ отрицающимъ «выдумку», писателемъ позитивнымъ, какъ лабораторный ученьи.

Если бы я не боялся утомить вашего вниманія, я могъ бы привести вамъ еще много примѣровъ фантастического и неумѣлаго третированія медицинскихъ вопросовъ въ романѣ «Докторъ Паскаль», — примѣровъ, доказывающихъ, что художникъ долженъ быть только художникомъ, не стараясь превратиться въ специалиста или казаться таковыми.

Перейду къ возможно краткому изложенію болѣзни и смерти героя романа — старого доктора Паскаля. Его болѣзнь точно диагностирована авторомъ. Онъ умеръ отъ пораженія сердечной мышцы, отъ міокардита, сопровождавшагося припадками грудной жабы и сердечной астмы. Докторъ Паскаль, потрясенный

бурной любовью, вспыхнувшей у него на старости лѣтъ, получиль, наконецъ, первый припадокъ грудной жабы: «появилась острыя боль въ области сердца, захватившая всю грудь и отдававшая въ лѣвую руку съ чувствомъ смертельной тоски, причемъ выступилъ холодный потъ».

Его ученикъ, докторъ Рамонъ, изслѣдовалъ его сердце и нашель слѣдующее: «Толчокъ верхушки очень силенъ, первый тоны глухъ, тогда какъ второй, напротивъ, акцентированъ. Верхушка сердца смѣстилась внизъ и влево къ подмыщечной линии»... Господа! Совершенно, какъ въ учебникѣ діагностики или частной патологіи! Не достаетъ для точности, чтобы было сказано, что дѣло идетъ объ измѣненіи тоновъ (акцентъ) въ аортѣ; но на это у Золя не хватило, очевидно, его знанія симптоматологіи сердечныхъ заболѣваній...

Припадки продолжались. Первое время докторъ Рамонъ прекращалъ ихъ по способу Паскаля (или, вѣрнѣе, по способу, изобрѣтенному самимъ Золя) двукратными впрыскиваниями по 10-ти граммовъ чистой воды. Но затѣмъ подкожные впрыскивания воды стали слабо помогать; и вотъ, послѣ одного изъ тяжелыхъ припадковъ, докторъ Паскаль объявилъ, что умираеть, точно назначивъ часъ своей смерти: «Теперь все пойдетъ съ математической точностью, и я могу описать вамъ дальнѣйшій ходъ моей болѣзни часъ за часомъ», сказалъ онъ доктору Рамону. При этомъ онъ самъ описалъ состояніе своего сердца въ слѣдующихъ неясныхъ, неточныхъ, но претендующихъ на научность выраженіяхъ:

«Я вижу мое сердце... Оно имѣть цвѣтъ увядшаго листа (*couleur de feuille morte*), волокна его хрупки, оно кажется похудѣвшимъ, хотя на самомъ дѣлѣ оно немного увеличено въ объемѣ. Воспалительный процессъ сдѣлалъ его твердымъ, такъ что рѣзать его трудно. Онъ продолжалъ говорить еще тише. Вотъ онъ чувствуетъ, что сердце его дѣлается слабѣе и сокращенія его становятся медленны и вялы. Вмѣсто нормальной крови изъ аорты идетъ красная пѣна (?!). А сзади вены переполнены черной кровью. Удушье увеличивается по мѣрѣ того, какъ замедляется дѣйствие присасывающаго и нагнетающаго насоса. Послѣ впрыскивания Паскаль, не смотря на страданія, слѣдилъ за возбужденіемъ дѣятельности сердца: черная кровь отлила изъ венъ, артеріи наполнились снова красной кровью. Но припадокъ долженъ повториться, какъ только механическій эффектъ укола прекратится. Онъ можетъ приблизительно предсказать его:

благодаря инъекциямъ, у него будетъ три припадка; третій будетъ послѣднимъ; онъ умретъ въ четыре часа».

Далѣе описываются первые два припадка, предсказанные себѣ Паскалемъ; наконецъ наступилъ третій съ ошибкой на четверть часа:

«Его третій припадокъ начался въ четверть пятаго. Этотъ послѣдній приступъ удущья вызвалъ на лицѣ Паскаля выраженіе невыносимаго страданія. Его мутный взглядъ искалъ часовъ, чтобы видѣть, который часъ. Онъ бормоталъ слова такъ тихо, что они похожи были на дыханіе:

— Четыре часа... Сердце засыпаетъ... Нѣтъ болѣе красной крови въ аортѣ... Заслонка (*la valvule*) слабѣеть и... останавливается...

Страшный хрипъ прервалъ его, дыханіе остановилось...

Наконецъ, Паскаль скончался. Лицо его стало совершенно синимъ. Нѣсколько минутъ онъ лежалъ неподвижно. Потомъ вдругъ, точно усиливаясь вздохнуть, онъ вытянулъ губы и раскрылъ ротъ, какъ раскрываетъ клювъ єдиная подстрѣленная птица, въ послѣдній разъ вбирава въ себя воздухъ. Это была смерть, самая простая смерть (*Et ce fut la mort, très simple*)».

Въ изложеніи болѣзни доктора Паскаля многое коробить читателя-врача: и лечение мифическими впрыскиваниями его сердечныхъ припадковъ, и невѣрное изложеніе патологического состоянія его сердца, и «математически точное», чего въ дѣйствительности быть не можетъ, предсказаніе часа смерти, и заявленіе объ остановкѣ какого-то единаго клапана. Все это претенциозно, неуклюже протокольно. У другого врача чтеніе медицинскихъ мѣстъ романа можетъ быть вызоветъ лишь усмѣшку; но у меня лично при чтеніи получилось прямо чувство раздраженія противъ автора, неумѣло, наивно берущагося не за свое дѣло. Не спешаистъ, не врачъ, конечно, не замѣтить грубыхъ медицинскихъ недочетовъ въ изложеніи. Понравится ли ему протокольность, эти экскурсы въ область патологической анатоміи, въ область діагностики—это другое дѣло. Мне лично кажется, что человѣку съ тонкимъ вкусомъ это не понравится вслѣдствіе своей антихудожественности. Развѣ будетъ художественно, если скульпторъ, вмѣсто изваянія изъ бронзы или мрамора, дастъ пестрый анатомическій муляжъ? Развѣ будетъ художественно, если живописецъ, вмѣсто потрясающей картины смерти, дастъ рисунокъ, хотя бы и красивый, но рисунокъ изъ анатомическаго атласа?!

Обратимся теперь къ принципіальному вопросу: какъ же

художникъ въ своихъ произведенияхъ долженъ относиться къ предметамъ, требующимъ специальныхъ знаний? Художникъ долженъ помнить, что онъ творить не для специалистовъ, а для широкихъ круговъ; кроме того, онъ долженъ помнить, что вдаваясь въ техническія детали онъ можетъ надѣлать грубыхъ, смѣхоторныхъ ошибокъ; онъ долженъ помнить, что отъ великаго къ смѣшному одинъ шагъ. Онъ долженъ изображать и описывать только то, что схватываетъ своимъ художественнымъ проникновенiemъ; то общее и частное, что онъ видитъ своимъ художественнымъ окомъ и что въ его произведеніи увидитъ и пойметъ всякий читатель, созерцатель его произведенія... Не бѣда, если онъ невольно въ техническихъ деталяхъ впадетъ въ ошибку, какъ впала въ ошибку Толстой, говоря, что у Ивана Ильича болѣлъ лѣвый бокъ. Не бѣда, если живописецъ, изображая чудные цветы, впадетъ въ ошибку противъ ботаники, ошибается въ числѣ лепестковъ, пестиковъ или тычинокъ: вѣдь онъ даетъ не ботаническій атласъ, а картину цветовъ, картины, производящую извѣстное художественное впечатлѣніе на зрителя, вызывающую въ послѣднемъ такъ называемое настроеніе... Господа! Вамъ, вѣроятно, приходилось видѣть моментальныя фотографіи летящихъ птицъ, бѣгущихъ животныхъ. Такія фотографіи имѣютъ научное значеніе и служатъ для изученія физіологии движений. Вы, конечно, замѣтили, какъ непривычныя, неуловимыя нашимъ глазомъ, странные позы улавливаетъ фотографическая пластиинка, протоколизирующая разные моменты полета и бѣга. Какъ бы мы отнеслись къ художнику, который, въ ногонѣ за реальностью, за научной точностью, вздумалъ бы изображать на своихъ картинахъ бѣгущихъ звѣрей, летящихъ птицъ, идущихъ людей—въ такихъ научно-точныхъ, невыдуманныхъ, но совершенно непривычныхъ для человѣческаго глаза позахъ?

Ошибка Золя въ «Докторѣ Паскаль» та, что онъ хотѣлъ изобразить болѣзнь и смерть не какъ художникъ, а какъ патологъ и патолого-анатомъ; съ деталями понятными не публикѣ, а только специалистамъ. Художественная сторона поблѣдѣла, а специальная часть не удалась, такъ какъ у автора не хватило достаточного для этого знанія. Получилась и плохая картина и невѣрный рисунокъ изъ патолого-анатомическаго атласа.

Не такъ поступилъ Толстой: онъ описалъ только то въ картинѣ болѣзни Ивана Ильича, что могъ видѣть всякий близ-

вій человѣкъ, что видѣла и знала жена Ильича, что видѣла его дочь, что видѣлъ кухонный мужикъ Герасимъ; при томъ описалъ съ художественной, геніальной проникновенностью, недоступною обыкновенному наблюдателю. Вотъ почему его картина болѣзни и страданій Ивана Ильича восхищается и врача-читателя, производя на него цѣлостное, нераздергованное не-нужными медицинскими деталями, впечатлѣніе.

Мнѣ неоднократно приходилось въ частныхъ бесѣдахъ говорить о художественности и въ то же время реальности изображаемыхъ Толстымъ человѣческихъ страданій, болѣзни и смерти, при чемъ я и прежде проводилъ всегда мысль, что писатель долженъ трактовать подобные вопросы только какъ художникъ, не дѣляя попытокъ вводить въ свои произведения специальная тонкія техническія детали и не выходя изъ области, отведенной его таланту, его генію. Собесѣдники иногда задавали мнѣ лукавый вопросъ, а какъ же тогда слѣдуетъ относиться къ тѣмъ произведеніямъ Толстого, напримѣръ, богословскимъ, глѣ онъ уклонился въ область знаний, стоявшихъ виѣ компетенціи его художественного генія? На это я отвѣчалъ и отвѣчу здѣсь слѣдующее: и художникъ и ученый ничѣмъ не обязаны и не обречены оставаться вѣчно, всю жизнь въ отведенныхъ имъ сферахъ художественного или научного творчества. Мы, напримѣръ, здѣсь, въ Москвѣ, знали одного, нынѣ покойнаго, выдающагося профессора-математика, Цингера, который въ часы своихъ лѣтнихъ досуговъ написалъ и напечаталъ прекрасное изслѣдованіе о флорѣ средней полосы Россіи. Инженерный генералъ, ученый профессоръ Военно-инженерной академіи, Кюи, и прекрасный химикъ, профессоръ Бородинъ, являются въ то же время выдающимися русскими композиторами. Если захотѣть, то изъ исторіи искусствъ и науки можно привести массу подобныхъ примѣровъ. Что касается, въ частности, богословскихъ и философскихъ работъ Толстого, то онъ обратился къ нимъ въ періодъ утомленія его художественного генія послѣ такой колоссальной, геркулесовской работы, какъ «Война и Миръ», какъ «Анна Каренина», когда онъ временно потерялъ было смыслъ жизни и виалъ въ такое *taedium vitae*, что помышлялъ даже о самоубийствѣ!

Подобное обращеніе къ богословскимъ и философскимъ во-

просамъ, въ періоды утомленія и душевной тоски, очевидно, свойственно многимъ выдающимся людямъ. Укажу на Гоголя, укажу на Ньютона, сверхчеловѣческій геній котораго, подъ вліяніемъ переутомленія, испыталь подъ старость подобную же инволюцію, обратившись отъ прославившихъ его великихъ открытій и изслѣдований къ толкованію Апокалипсиса и къ другимъ богословскимъ и мистическимъ трудамъ, ничего не прибавившимъ къ его славѣ, но и не умалившимъ значенія его мірового генія. Какого бы мнѣнія ни были богословы и философы будущаго о достоинствахъ произведеній Толстого, выходящихъ изъ компетенціи его художественнаго генія, это не поколеблетъ пьедестала гиганта-художника, творца «Войны и Мира».

Я подхожу къ концу. Надѣюсь, что я въ достаточной мѣрѣ напомнилъ вамъ обстоятельства болѣзни и смерти Ивана Ильича и доктора Паскаля и выяснилъ разницу въ трактованіи сюжета у Толстого и у Золя. Объектъ моей лекціи настолько небольшъ, что вдаваться въ дальнѣйшее изслѣдованіе его я считаю излишнимъ. Оба произведенія вамъ давнѣмъ давно известны, а мои спеціально-медицинскія указанія и замѣчанія, конечно, возстановили въ вашей памяти все то, что могло быть забыто, что могло ускользнуть отъ читателя не-врача; возстановили и въ то же время показали вамъ предметъ подъ новымъ угломъ зреенія. Это, если только можно такъ сказать, фактическая сторона дѣла. Что же касается принципіального вопроса, котораго я считалъ себя въ правѣ коснуться, а именно вопроса о томъ, какъ художникъ долженъ относиться въ своихъ произведеніяхъ къ предметамъ, требующимъ спеціальныхъ, техническихъ знаній, то на эту тему можно вѣдь толковать безъ конца, толковать и не столкноваться. Можно вѣдь посвятить цѣлые засѣданія обсужденію подобнаго вопроса. Я высказалъ вамъ свой личный взглядъ на это и нисколько не удивился бы, если бы нашлись критики, знатоки искусства и литературы, которые не согласились бы со мной и держались бы иныхъ точекъ зреенія.

Въ заключеніе позвольте мнѣ резюмировать то впечатлѣніе, которое я давно уже вынесъ изъ чтенія занимавшихъ нась сегодня литературныхъ произведеній: «Докторъ Паскаль»—романъ во многомъ ходульный, дѣланый и въ своей медицин-

ской части заключающей массу коробящихъ врача ошибокъ и промаховъ. «Смерть Ивана Ильича»—гениально-художественное творение, правдиво изображающее болѣзнь и страданія и приводящее въ восхищеніе врача-читателя.
